

4. *Иудин А. А., Шпилев Д. А.* Современная немецкая социология : (обзор). Образование в современной Германии. Н. Новгород : НИСОЦ, 2010. 62 с.
5. *Иудин А. А., Шпилев Д. А.* Современная немецкая социология : (обзор). Проблемы развития города. Н. Новгород : НИСОЦ, 2010. 58 с.
6. *Cremers M.* Neue Wege für Jungs : ein geschlechterbezogener Blick auf die Situation von Jungen im Übergang Schule-Beruf. Berlin, 2006 ; Bildung in Deutschland : ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration : (im Auftrag der Ständigen Konferenz der Kultusminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland und des Bundesministeriums für Bildung und Forschung). Bielefeld, 2006. URL: <http://www.bildungsbericht.de/daten/gesamtbericht.pdf> (дата обращения: 26.07.2011).
7. *Outside: die Politik queerer Räume / M. Haase, M. Siegel, M. Wunsch (Hrsg.).* Berlin : b_books, 2005. 314 S.
8. *Rodenstein M.* Von baulich-räumlicher Herrschaft zur Analyse von «Gendered Spaces» : zum Wandel der Frauen- und Geschlechterforschung in der Planung // Die Hälfte des Horsaals : Frauen in Hochschule, Wissenschaft und Technik / A. Spellerberg (Hrsg.). Berlin : Ed. Sigma, 2005. S. 161—181.
9. *Schambach G.* Genderaspekte in der Planung des Potsdamer Platzes in Berlin // Schau-stelle Gender : aktuelle Beiträge sozialwissenschaftlicher Geschlechterforschung / P. Doge, K. Kassner, G. Schambach (Hrsg.). Bielefeld : Kleine, 2004. S. 172—190.
10. *Seitz E.* Ein Stegreifentwurf im Rahmen der Genderforschung in der Architektur : Studentinnen entwerfen Herrenzimmer, Studenten entwerfen Damenzimmer // Die Hälfte des Horsaals : Frauen in Hochschule, Wissenschaft und Technik / A. Spellerberg (Hrsg.). Berlin : Ed. Sigma, 2005. S. 183—199.

ББК 60.542.2

О. А. Полюшкевич

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Важными характеристиками развития страны, наряду с общеэкономическими и социально-демографическими показателями, являются ее политико-правовая система, наличие элементов развитого гражданского общества, уровень политико-правовой и гражданской культуры населения, *социальное самочувствие* граждан, социальная защищенность и т. п. В последние два десятилетия среди социологов (П. Бурдье, Дж. Коулман) и политологов (Ф. Фукуяма), характеризующих уровень развитости гражданского общества и качество демократии, стало своего рода хорошим тоном говорить о разного рода «капиталах» — *социальном, культурном, образовательном* и иных.

© Полюшкевич О. А., 2013

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента МК-480.2013.6 «Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерный аспект».

Но определения и операционализация содержания этих понятий у разных авторов различаются. Так, к примеру, Ф. Фукуяма отождествляет социальный капитал с социальным доверием [9], а согласно трактовке, принадлежащей Дж. Коулману, социальный капитал означает умение развивать сотрудничество в группах и в организациях в целях реализации общих интересов. Он трактует его как формирующийся в общностях и социальных группах естественный ресурс, проявляющийся в различных формах: социального доверия; социальных ценностей, норм и санкций; социальных связей и сетей; открытости и т. д. [14]. П. Бурдье говорит о социальном капитале как совокупности ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания, т. е. с членством в группах [13]. Д. Тросби, развивая мысли П. Бурдье, утверждает, что основой развития любого общества является культурный капитал — средство объединения всех членов общества в единую систему, через уважение и признание друг друга, на основе общих ценностей и установок [26]. П. Штомпка полагает, что основой социального капитала является доверие — «положительная человеческая реакция на непредсказуемость и отсутствие контроля» [25, р. 25]. Доверие оказывается предпосылкой формирования общественного капитала, отражающегося, в свою очередь, в качестве жизни и социальном самочувствии, определяющих развитие гражданского общества.

Иными словами, социальный капитал выступает ресурсом, способным сплотить общество или, наоборот, разобщить. Социальный капитал — это инструмент формирования практик социального взаимодействия, направленного на решение социальных проблем. Вопрос консолидации и формирования гражданского общества невозможен без таких элементов социального капитала, как доверие, толерантность, разнообразие общества (по культурным, национальным, неформальным и прочим параметрам, образующим социокультурное многообразие государства) (Х. Вестлинд и Ф. Калидони [27]). Другие ученые (Я. Фидрмук и К. Герцхани [16]) пришли к выводу, что социальный капитал варьируется в разных сообществах и культурах в зависимости от эффективности контроля социальных институтов, развития гражданского общества, доверия, развитости социальных сетей и коммуникаций и др.

Исследования социального капитала и гендерные исследования зачастую ставят схожие задачи, касающиеся доступности образования и здравоохранения, преступности, социальных перспектив, социальной защиты, трудовых отношений и пр.), т. е. всего того, что может стать ресурсом развития человека. Однако возможные решения этих проблем в исследованиях вышеуказанных авторов (П. Бурдье [13], Дж. Коулман [14], Д. Тросби [26], Р. Патнам [22] и др.) и ученых, занимающихся гендерными исследованиями (Дж. Хубер [10], М. Мэн [20], Р. Коллинз [5], М. Авриль [11], С. Боск [12], Л. Берени [18] и др.), прямо противоположны. Данное противоречие детально рассмотрено в работе Т. Борчуновой [1], которая объясняет недостаточное исследование этих двух направлений следующим.

Во-первых, исследования социального капитала исходят из очевидности солидарности мужчин и женщин в решении любых поставленных задач, гендерные же исследования предполагают, что любые вопросы должны решаться «с равенства, гражданского участия, солидарности и социальной безопасности,

гендерная теория опирается, прежде всего, на понятия доминирования, власти и иерархии» [1, с. 164]. Хотя думается, что перед гендерной теорией еще стоит открытым вопрос о формах и условиях солидарности мужчин и женщин.

Социальный капитал понимается как наличие связей с другими людьми или группами людей. У разных социальных групп эти связи не одинаковы, что формирует социальное неравенство. Это выражается в неравенстве мужчин и женщин, которое обусловлено неравным доступом к общественным ресурсам (деньги, власть, бизнес, информация), а также общей установкой на выстраивание взаимодействия с таким же, как и ты сам (по признаку пола, образования, веры). Это способствует сохранению ригидности существующего социального порядка и соответственно возможностей использования социального капитала. Данные явления обнаружили в исследованиях Н. Лин [19]. Те же данные мы находим у У. Анух, Н. Дламини, М. Чин-Янг, Л. Смайл [24], У. Шармы [24], Дж. Филд [17] и др. Во всех вышеперечисленных исследованиях мы обнаруживаем устойчивую тенденцию оценки социального капитала и социальных сетей женщин как значительно меньших по размеру, включающих в большей степени родственные и дружеские отношения и в меньшей статусные связи (взаимодействие с теми, кто имеет реальное влияние во власти, бизнесе, экономике и др.). Иначе говоря, женский социальный капитал менее инструментален, нацелен на социальную поддержку, но не способствует ни личному, ни социальному росту. Данное положение женщин усугубляется при уходе в отпуск по рождению ребенка или в отпуск, связанный с уходом за недееспособными членами семьи (А. Манч, Дж. Мак-Ферсон, Л. Смит-Ловин [21]).

Во-вторых, по мнению Т. Борчуновой, «отечественная гендерная теория, восприняв конструктивистский подход, рассматривает гендер скорее как *социальный конструкт*, а не как *процесс* социального конструирования гендера» [1, с. 167]. Данное утверждение также не вызывает сомнений, поскольку как в общественном сознании, так и в научных теориях доминирует система *понятного, уже сформированного опыта*, процесс *изменения* вызывает больше вопросов, неясностей и недоразумений, вызванных сложностью изучения и векторов изменения объекта.

Помимо этого, в социальной практике происходило постоянное взаимодействие и взаимовлияние социального капитала и гендерной теории. Так, Е. Здравомыслова и А. Темкина приводят пример гендерного контракта [3], подразумевающего работающую мать (контракт между женщиной и государством), Т. Борчунова анализирует неправительственные организации как субъекты, способные при решении проблем объединить социальный капитал и гендерный вопрос.

Методика исследования

Наше исследование было направлено на изучение восприятия мужчинами и женщинами социального капитала. Оно качественно отличается у разных полов, т. к. обусловлено различным опытом социализации и инкультурации, неодинаковыми социальными стратегиями развития, социальными стереотипами и др.

Второй задачей было выявление механизмов конструирования гендерно обусловленных представлений о социальном капитале, а также формах потенциальной и реальной солидарности мужчин и женщин.

Нами был проведен опрос, в котором приняло участие 1500 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 860 женщин и 640 мужчин. Для анализа и интерпретации ответов были использованы транссимволический анализ, контент-анализ, а также методика оценки социального капитала, взятая из опросника «World Values Survey» [6].

Транссимволический анализ исходит из предположения о том, что социальная реальность структурируется и описывается в троичной системе — когнитивного символа (существительное), аффективного символа (прилагательное) и деятельностного символа (глагол). Структура символической триады конкретна и верифицируема, отражает комплексное единство символов, формирующих определенную коннотацию, в нашем случае коннотацию, различную у мужчин и женщин. (Более подробно см. работы О. А. Кармадонова [4], О. А. Полюшкевич [7].)

При помощи контент-анализа выявлялись наиболее частотные категории, встречающиеся в нарративах участников фокус-групп. Были использованы стандартизированные процедуры поиска, учета и подсчета количественных показателей, отражающих существенные смысловые стороны изучаемого явления. Исследуемые параметры — частота упоминания (индекс Fm), объем внимания (индекс Va), общий оценочный контекст (+/-). Мы рассматривали в качестве единиц анализа такие категории, как «сплоченность», «солидарность» и «единство».

Для оценки социального капитала участникам фокус-групп предлагался список основных социальных институтов, играющих важную роль в жизни индивида и общества: семья, друзья, сослуживцы, церковь, армия, образовательные учреждения, правительство, президент, СМИ и др. Необходимо было оценить, насколько респондент доверяет или не доверяет каждому из них.

Результаты исследования

Можно с уверенностью сказать, что женщины в когнитивном плане (на уровне знаний) обладают большим спектром информированности, чем мужчины. Но на уровне реализации своего потенциала в реальные проекты, действия, способные изменить их жизнь, происходит торможение. Причин тому может быть несколько: от социальных стереотипов до отсутствия навыков реализации (или убеждений, что не получится, опять же социально формируемых).

Мужчины в большем количестве случаев (до 80 %) связывают субъективные и объективные критерии формирования социального капитала в единую цепочку формирования их личного социального опыта, отражающегося на их карьере, финансовом благополучии и общественном признании. Женщины, как правило, разделяют субъективные и объективные основания, объясняя это «невозможностью» соединения, «разными интересами», «отсутствием перспектив», т. е. определенные социальные страхи уменьшают возможности развития социального капитала.

Например, если знание законов и понимание финансовых процессов для мужчины приводят к более быстрому карьерному росту, то для женщины это может отразиться в экономии домашнего бюджета (планирование долгосрочных вложений, покупка недвижимости и др.). Или же знание иностранных языков, по мнению женщин, дает им возможность путешествовать и узнавать но-

Методология гендерных исследований

вые места (что само по себе неплохо). Для мужчин знание языков — это перспектива получить более высокую должность, перейти в зарубежную компанию и др. Шансы, которые изначально дают одинаковые возможности, по-разному используются. Поэтому социальный капитал женщин и мужчин становится неодинаков по насыщенности и содержанию (табл. 1, 2).

Женщины более осторожны в соблюдении социальных норм. Например, для 75 % женщин знание закона автоматически означает его соблюдение. Для мужчин такое распределение верно лишь в 42 % случаев, в остальных ситуациях — знание не предполагает соблюдения («специфика страны, в которой мы живем», «прав тот, у кого сила, а не у кого закон» и др.). Иными словами, для женщин в большей степени характерно соблюдение легитимных принципов нашего общества.

Таблица 1

Объективные критерии распределения социального капитала, %

Критерий	Мужчины	Женщины
Образование		
высшее	75	67
средне-специальное	22	31
среднее	3	2
Доход		
выше 50 000 руб.	14	1
30 000 — 50 000 руб.	36	8
15 000 — 30 000 руб.	31	43
до 15 000 руб.	19	48
Участие в неформальных группах		
социальные сети в Интернете	43	77
хобби	42	35
общественная работа	5	38
некоммерческие организации	10	34
другое	10	10

Таблица 2

Субъективные критерии распределения социального капитала, %

Критерий	Мужчины	Женщины
Понимание социальной структуры (иерархии)	82	43
Соблюдение закона	37	88
Знание закона	95	34
Знание финансов	76	56
Знание иностранных языков	42	63
Знание ПК	84	67
Социальная известность (на уровне города или страны)	47	24

Наши данные подтверждают исследования А. Манч [21] относительно того, что из-за рождения и воспитания детей женщины в большей мере устанавливают родственные связи, а социальное взаимодействие не с родственниками остается в стороне.

Раскрывая значение социального капитала, мы выделили уровень межличностного доверия, уровень институционального доверия, уровень гражданской идентичности (через «силу» и «позитивность» гражданской идентичности).

Все социальные аксиомы связаны с показателями социального капитала. Рассмотрим связи каждой из социальных аксиом по отдельности.

Таблица 3

Корреляции социальных утверждений с показателями социального капитала

Блок утверждений	Толерантность		Институциональное доверие		Межличностное доверие		«Сила» гражданской идентичности		«Позитивность» гражданской идентичности	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Религиозность	-0,15	-0,12	-0,29**	-0,25**	-0,28**	-0,25**	0,18*	0,14	0,08	0,06
Социальный цинизм	-0,15*	-0,11	-0,18**	-0,15**	-0,16**	-0,14	-0,13*	-0,11	-0,16**	-0,19**
Социальная сложность	-0,02	-0,03	0,13*	-0,14*	0,14*	-0,16	-0,08	-0,08	-0,07	-0,09
Награда за усилия	—	—	-0,22*	0,24*	-0,25*	0,18	0,04	0,05	0,09	0,08

* – $p < 0,05$.

** – $p < 0,01$.

Религиозность. Данный блок утверждений отрицательно связан с показателями институционального и межличностного доверия и положительно — с показателем «силы» гражданской идентичности. Социальные утверждения этого блока связаны с восприятием Бога в жизни людей. Причем положительные связи с гражданской идентичностью говорят о том, что, несмотря на уменьшение роли религии в нашей жизни, она все еще значима для граждан страны и на ее основе возможно сплотить наше общество. Вера в единого Бога и «позитивная функция религии» (М. Бонд, К. Линг, К. Тонг и др.) [15] является базисом для социального единства, что и отражается на положительном восприятии религии (именно в православном варианте) для наших соотечественников.

Утверждения этого блока в большей степени разделяют женщины — 61 %, в меньшей степени мужчины — 39 %. Это соответствует данным Левада-центра: у российских женщин религиозность существенно больше, чем у мужчин (51 % против 30 %). С возрастом религиозность постепенно растет: 18—24 года — 29%, 25—39 лет — 38 %, 40—54 года — 44 %, 55 лет и старше — 49 % [2]. Повышенной религиозностью отличаются пенсионеры, служащие без специального образования и руководители, управленческие работники. Ниже

средней религиозность у рабочих, значительно ниже — у учащейся молодежи, а меньше всего религиозных людей — среди работников силовых структур.

Результаты трансимволического анализа показывают интересную картину. Для мужчин религиозность и связь с высшими силами имеет следующие символические триады: когнитивные — *сила (78 %), власть (75 %), могущество (74 %)*; аффективные — *искренняя (75 %), сильная (74 %), всеобщая (72 %)*; деятельностные — *контролирует (75 %), покровительствует (74 %), охраняет (70 %)*. Для женщин — следующие: когнитивные — *покровительство (83 %), контроль (82 %), смирение (79 %)*; аффективные — *полное (80 %), тотальный (76 %), искреннее (75 %)*; деятельностные — *спасает (80 %), наказывает (78 %), защищает (77 %)*.

Можно заключить, что мужчины процессы религиозности и связи с высшими силами воспринимают как форму высшего оберега, она не угрожает, а оберегает, а женщины — как опасную угрозу, которой нужно бояться, поэтому ей стоит подчиняться. Прослеживается психологическая готовность рисковать и действовать (у мужчин) и не рисковать и сохранять неизменным (у женщин).

Социальный цинизм. Суть утверждений этого блока касается представлений о том, что «обществу невозможно в принципе принести пользу», «думать о других не стоит, иначе сам окажешься не у дел», «за доброжелательность к людям мы дорого расплачиваемся сами», «не делай другим добра, не получишь зла», «чтобы выжить в этом мире, надо бороться за место под солнцем». Бдительность, недоверие и скептицизм, неверие в лучшие качества людей — основной лейтмотив данного блока. Вполне понятно, почему этот блок связан отрицательно с толерантностью: она в принципе прямо противоположна такому мироощущению. Обладающих доминирующими качествами социального цинизма среди мужчин больше, чем среди женщин (62 и 37 % соответственно). Чем больше людей будут разделять данные утверждения, тем менее вероятно, что мы построим толерантное, правовое, гражданское общество. Достаточно высокие показатели (особенно у мужчин) заставляют сделать определенные выводы на уровне консолидации, т. к. «социальный цинизм» способствует разобщению и дезинтеграции общества.

Аналогично можно объяснить отрицательную связь с оценкой «силы» и «позитивности» гражданской идентичности. Ориентация на индивидуализм и эгоистические ценности не способствует формированию гражданской идентичности и консолидации общества. Распределение ответов среди мужчин и женщин — 58 и 40 % соответственно.

Отрицательная зависимость с «институциональным» и «межличностным» доверием дополняет картину. Когда люди живут по принципу «человек человеку волк», то о формировании доверия между членами общества мы не можем говорить. Чем меньше люди могут доверять друг другу, тем меньше возможностей сплотить общество.

Но между институциональным и межличностным уровнями доверия у мужчин и женщин складывается неодинаковое соотношение. Мужчины в большей мере склонны доверять институциональным отношениям (72 %) и в меньшей — межличностным (28 %). Это объясняется ориентацией мужчин на выстраивание отношений вовне, через использование своего социального ка-

питала, связей и личных возможностей. Межличностное доверие предполагает опору только на личностные качества, навыки и умения, что не всегда могут проявить мужчины. У женщин наблюдается прямо противоположная картина. Женщины доверяют в большей степени межличностным отношениям (58 %) и в меньшей — институциональным (36 %). О причинах такого разделения мы говорили в начале анализа результатов исследования.

Все респонденты указывают на важность формирования личного социального капитала. Он не образуется сам, а только через взаимодействие с родственниками или близким кругом друзей. Причем источником наибольшего социального капитала у женщин является семья (72,3 %), а у мужчин — друзья (76,1 %). Это те области, которые наполняют жизненное пространство и могут его обогащать.

Транссимволический анализ это также подтверждает. Для женщин семья опосредуется следующими символами: когнитивными — *очаг* (66 %), *дом* (70 %), *дети* (75 %); аффективными — *крепкая* (70 %), *большая* (72 %), *любимая* (75 %); деятельностными — *оберегает* (68 %), *защищает* (73 %), *вдохновляет* (76 %). Мужчинам семья видится несколько в иных смыслах: когнитивные символы — *удобство* (70 %), *свобода* (68 %), *традиция* (67 %); аффективные — *тормозящая* (69 %), *радующая* (68 %), *изменяющая* (66 %); деятельностные — *защищает* (68 %), *оберегает* (67 %), *сохраняет* (65 %).

Все это олицетворяет традиционные формы и условия зарождения и развития семьи в сознании женщин и мужчин. Но если для женщин семья выступает скорее как идеальная цель развития женщины, то для мужчин — это средство комфорта и обустройства быта, а не личного или социального развития. Близкие по формальным показателям принципы и критерии оценки семьи как социального капитала означают диаметрально противоположную ценность и эмоциональную окрашенность семьи как социального института и как эмоционального ресурсного пространства.

В целом же результаты транссимволического анализа в аспекте социального цинизма формируют следующую картину: для мужчин когнитивные символы — *сила* (76 %), *мощь* (74 %), *воля* (83 %); аффективные — *социальная* (77 %), *материальная* (76 %), *мужская* (75 %); деятельностные — *защищает* (74 %), *растет* (73 %), *доминирует* (80 %). Для женщин когнитивные символы — *хитрость* (77 %), *красота* (80 %), *богатство* (69 %); аффективные — *женская* (75 %), *роковая* (78 %), *семейное* (81 %); деятельностные — *помогает* (74 %), *губит* (75 %), *спасает* (75 %).

Данные результаты позволяют утверждать, что мужчины опираются в большей степени на личную харизму и волю, направленную на приумножение материальных ресурсов, которыми они могут воспользоваться для достижения своих результатов, женщины же используют хитрость и свою красоту для того, чтобы преуспеть в семейной и личной жизни. Это показывает вполне традиционное распределение социальных статусов и социальных ролей, закрепленных за «разрешенными» (легитимными) формами поведения мужчин и женщин в обществе.

Социальная сложность. Положительная корреляция утверждений данного блока с показателями межличностного и институционального доверия на-

блюдается только у мужчин и показывает, насколько глубоко люди судят о вариативности индивидуального поведения и количестве факторов, оказывающих влияние на результаты социального поведения, насколько они осознают сложность отношений в социальном мире. Результаты исследования позволяют говорить о том, что понимание социальных отношений способствует формированию доверия к окружающим. Стоит уточнить, что доверие возникает лишь тогда, когда человек понимает природу социальных отношений и поэтому уверенно чувствует себя при взаимодействии с другими.

Отрицательная корреляция утверждений наблюдается у женщин. В большинстве своем (61 %) они не обладают высокой социальной сложностью, как бы «закрываются» от других недоверием, поскольку не чувствуют в себе возможностей глубоко понимать социальные отношения и эффективно справляться с различными социальными трудностями.

Отрицательная корреляция прослеживается и во влиянии «социальной сложности» на «силу» и «положительную» оценку гражданской идентичности и у мужчин и у женщин. Парадоксально, но при разных предпосылках результат и у мужчин и у женщин одинаков. Мужчины, понимая всю сложность социальных отношений, не воспринимают гражданскую идентичность как опору. Вероятно, это связано с отсутствием поддержки со стороны власти (идеология, пропаганда, патриотическое воспитание). Женщины, не особо включаясь в понимание социальных процессов, настороженно воспринимают гражданскую идентичность, т. к. не видят положительных моментов в ее реализации. По телевидению показываются ролики, фильмы, шоу, способствующие нивелированию ценностей гражданской идентичности, не формирующие патриотических чувств. Как образцы для подражания предлагаются западные ценности массовой культуры. Сложность социального пространства заменяется игрой с придуманными идеалами.

Многие социальные институты защищают россиян, но не принимаются ими из-за «взяток», «неквалифицированности», «коррупции» и др. Причем мужчины выбирают экономико-политические институты (71,2 %), а женщины — социально-культурные (69,5 %). Это вполне соотносится с традиционной гендерной дифференциацией общества (до сих пор в общественном сознании удел мужчины — политика и экономика, а женщины — семья и кухня).

Транссимволический анализ эти тенденции также подтверждает. Для мужчин когнитивные символы выражены следующим образом: *разруха* (77 %), *взятки* (76 %), *коррупция* (75 %); аффективные — *полная* (76 %), *чиновничьи* (73 %), *социальная* (70 %); деятельностные — *уничтожает* (74 %), *нивелируют* (74 %), *разрушает* (70 %). Для женщин когнитивные символы выражены так: *ценности* (75 %), *культура* (73 %), *мораль* (70 %); аффективные — *моральные* (74 %), *общественная* (72 %), *народная* (69 %); деятельностные — *рушатся* (72 %), *уничтожается* (70 %), *забывается* (68 %).

В совокупности эти процессы, характерные и для мужчин, и для женщин, уменьшают возможности и перспективы консолидации страны. Когда общество теряет опору в виде идентичности, утрачивается ключевой момент связи социальных институтов, власти и народа. Эти выводы подтверждает отрицательная корреляция как у мужчин, так и у женщин с уровнем толерантности общества.

Награда за усилия. Этот блок утверждений имеет две тенденции анализа. С одной стороны, наблюдается отрицательная корреляция у мужчин и положительная у женщин с уровнем доверия (как институциональным, так и межличностным). Это говорит о том, что мужчины (79 %) в большей степени надеются на себя, что за все усилия будет получено социальное вознаграждение (карьера, финансовая стабильность и прочие материальные блага). Иными словами, мужчины больше ориентированы на достижения. А данная ориентация в чистом виде — это противопоставление себя социуму. Это противопоставление может способствовать недоверию.

Женщины надеются и опираются на круг своих близких или друзей. Успех и признание возможны тогда, когда у тебя есть связи. Женщины (67 %) ориентированы на сохранение положения, выстраивание коммуникаций, но не на прорыв и не на достижение карьерных задач, личного финансового успеха и др.

Транссимволический анализ показывает схожую картину. Для мужчин когнитивные символы выражены следующим образом: *карьера (74 %), положение (72 %), финансы (71 %)*; аффективные — *быстрая (73 %), социальное (71 %), стабильные (68 %)*; деятельностные — *закрепляет (72 %), стабилизирует (68 %), усиливают (67 %)*. Для женщин когнитивные символы выражены так: *связи (71 %), знакомства (67 %), общительность (65 %)*; аффективные — *семейные (69 %), личные (65 %), личная (64 %)*; деятельностные — *помогают (65 %), усиливают (63 %), поддерживает (62 %)*.

Таким образом, можно утверждать, что социокультурные измерения (ценности, нормы, ожидания и оценки) связаны с различными компонентами социального капитала (институциональное и межличностное доверие и гражданская идентичность). Толерантность достаточно слабо связана с усилением или развитием социального капитала.

Межличностное и институциональное доверие отрицательно связано с показателями гражданской идентичности (сила и позитивность), хотя раньше данная связь была положительной. В результате мы сталкиваемся с социокультурным парадоксом: те ценности, которые позитивно связаны с доверием, имеют отрицательную связь с гражданской идентичностью, и наоборот.

Исследование показало, что у мужчин с показателем «доверие» положительно связаны такие социальные утверждения, как социальный цинизм и социальная сложность, у женщин эта связь отрицательная.

Следовательно, социальный капитал трансформируется в обществе. Изменения касаются прежде всего социального самочувствия и качества жизни мужчин и женщин. В целом они сводятся к утрате доверия населения к различным социальным институтам. По мнению П. Штомпки, к спаду доверия люди приспосабливаются разными способами: 1) через безропотное принятие ситуации и веру в судьбу, Бога или Вселенную; 2) различные формы коррупции (взяточничество, фаворитизм, семейственность); 3) избегание активных форм общественной жизни и концентрацию внимания на близком круге друзей, семье и т. д. [25]. Ф. Фукуяма акцентирует внимание на иных аспектах адаптации к ситуации утраты доверия к социальным институтам и личным отношениям (возлагание больших надежд на государство, нежелание участвовать в общественной жизни страны и др.) [9]. Результатом этого становится разрушение

межличностных отношений внутри различных социальных групп, добровольных объединений, формирующих гражданское общество. Именно эти процессы мы и наблюдаем в России. Вышеприведенные институты, призванные защищать интересы граждан, в сознании россиян обесценены и нивелированы.

Социальный капитал — это продукт социокультурного взаимодействия народа на протяжении многих десятков, а то и сотен лет, его изменение — процесс трудоемкий и длительный. Причем в нынешней Российской Федерации главенствуют идеи демократии, но на глубинном уровне сильны нормы и ориентиры, сформированные в тоталитарном обществе. Поэтому сегодня ученые констатируют у населения тягу к «сильному лидеру», социальная справедливость связана с «сильной властью», «с социальным порядком и национальными интересами» [8] и т. д. Чтобы увеличить социальный капитал людей, необходимы новые условия и формы развития гражданского общества, строящегося не просто как калька западных приоритетов, а с учетом национальных, религиозных и гендерных особенностей той страны, в которых оно создается.

Библиографический список

1. *Борчунова Т.* Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / под ред. Дж. Твигг, К. Шектер. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 162—191.
2. Женщины в России более религиозны, чем мужчины, а меньше всего верующих среди силовиков // *Новости.com*. URL: <http://www.newsru.com/arch/religy/11mar2008/levada.html> (дата обращения: 30.07.2012).
3. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. СПб. : ЦНСИ, 1996. С. 5—13.
4. *Кармадонов О. А.* «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // *Социол. исслед.* 2004. № 6. С. 130—138.
5. *Коллинз Р.* Введение в неочевидную социологию // *Антология гендерной теории* / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 114—141.
6. Обзор мировых ценностей : опросник. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/index_surveys/ (дата обращения: 29.07.2012).
7. *Полюшкевич О. А.* Идеалы и идолы свободы // *Социально-гуманитарные знания*. 2011. № 4. С. 232—242.
8. Стабильность и перемены в России // *ФОМ*. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072121> (дата обращения: 30.08.2011).
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ : Ермак, 2004. 730 с.
10. *Хубер Дж.* Теория гендерной стратификации // *Антология гендерной теории* / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 77—99.
11. *Avril C., Cartier M., Serre D.* Enquête sur le travail : concepts, méthodes, récits, la découverte // *Grands Repères*. Paris, 2010. 326 p.
12. *Bosc S.* Stratification et classes sociales. Paris : Armand Colin, 2008. 217 p.
13. *Bourdieu P.* Forms of social capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J. G. Richardson. New York : Greenwood Press, 1983. 248 p.
14. *Colemann J. S.* Social capital in the creation of human capital // *The American J. of Sociology*. 1988. Vol. 94. Suppl. P. 95—120.

15. Combining social axioms with values in predicting social behaviors / M. H. Bond, K. Leung, A. Au, K. K. Tong, Z. Chemonges-Nielson // *European J. of Personality*. 2004. Vol. 18, № 3. P. 177—191.
16. *Fidrmuc J., Gërxhani K.* Mind the gap! Social capital, East and West // *J. of Comparative Economics*. 2008. Vol. 36 (2). P. 264—286.
17. *Field J.* Social Capital. London : Routledge, 2003. 244 p.
18. Introduction aux Gender Studies : manuel des études sur le genre / L. Bereni, S. Chauvin, A. Jaunait, A. Revillard. Bruxelles : De Boeck, 2008. 288 p.
19. *Lin N.* Social network and status attainment // *Annual Rev. of Sociology*. 1999. Vol. 25. P. 467—487.
20. *Mann M.* A crisis in stratification theory? Persons / Households / Families / Lineages, Genders, Classes and Nations // *Gender and Stratification* / ed. by R. Crompton, M. Mann. New-York : Polity Press, 1986. P. 40—57.
21. *Munch A., McPherson J. M., Smith-Lovin L.* Gender, children and social contact: the effects of childbearing for men and women // *American Sociological*. 1997. Rev. P. 509—520.
22. *Putnam R. D.* Bowling Alone : the Collapse and Revival of American Community. New York, London, Toronto, Sydney, Singapore : Simon and Schuster, 2000. 367 p.
23. *Sharma U.* Women, Work and Property in North West India. London : Tavistock, 1986. 120 p.
24. Social Capital and the Welfare of Immigrant Women : a Multi-Level Study of Four Ethnic Communities in Windsor / U. Anucha, N. S. Dlamini, M. Chung-Yan, L. Smylie. London : Routledge, 2006. 131 p.
25. *Sztompka P.* Trust. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 120 p.
26. *Trosbi D.* Cultural capital // *J. of Cultural Economics*. 1999. № 23. P. 3—12.
27. *Westlund H., Calidoni F.* The creative class, social capital and regional development in Japan // *Rev. of Urban and Regional Development Studies*. 2010. Vol. 22, iss. 2/3. P. 89—108.